

Тёмные Троицы

Джули
Шэн

Любовь по-азиатски. На границе миров

Джули Шэн

Темные тропы

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Шэн Д.

Темные тропы / Д. Шэн — «Эксмо», 2026 — (Любовь по-азиатски. На границе миров)

ISBN 978-5-04-247089-9

Сеул никогда не спит. В свете неоновых вывесок шепчутся бессмертные духи, а сюжеты древних корейских мифов оживают прямо на улицах мегаполиса. У Кан Дохёна и его младшей сестры Хары здесь особая миссия — охотиться на нечисть, жаждущую заполучить власть над миром людей. Но чем глубже они погружаются в тайну, скрытую в собственной крови, тем яснее становится: на этот раз добычей стали они сами. Сумеют ли они остановить тьму — или станут её частью? Тёмное городское фэнтези с отсылками к корейской мифологии. Духи природы, кумихо и токкэби, которые живут среди обычных людей и порождают конфликты между мирами. Для поклонников тропов «герой с серой моралью», «запретная любовь», а также сериала «Сверхъестественное» и романтических дорам. «Назад дороги нет, так что точите свои клинки: древние духи уже вышли из тени и готовы раскрыть секреты, способные разбить даже самые крепкие узы. Вместе с Дохёном и Харой вам предстоит пройти по тонкой грани между реальностью и кошмаром, где всё труднее понять, кто друг, а кто враг. Мрачно, напряжённо и по-настоящему интригующе». — Женя, автор блога «Книжный квокк»

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-247089-9

© Шэн Д., 2026

© Эксмо, 2026

Содержание

Плейлист	8
Глава 1. Шёпот тьмы	9
Глава 2. Тайны прошлого	18
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Джули Шэн Тёмные тропы Роман

© Шэн Д., текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

Всем старшим детям, которым пришлось повзрослеть слишком рано.

Плейлист

Stray Kids – Hellevator
Kim Feel – Destiny
BTS – FAKE LOVE
Song Sohee – Dear My Lover
DEAN – DIE 4 YOU
Song Sohee – Against the Dark Ocean
Kwon Doil – Addiction
Song Sohee – Infodemics
Minnie – Answer
niahn, Owen – CBH (Come Back Home)

Глава 1. Шёпот тьмы

Мелкий холодный дождь оседал на крышах тесно прижатых друг к другу домов. Узкие улочки старого квартала Хвангхак-дон были пусты, и лишь ветер гнал вперёд мокрые листья, будто желал скрыть следы, которые оставляли за собой двое, идущие по тёмным переулкам. Лампы редких фонарей мерцали, их свет выхватывал из мрака неровные маслянистые разводы на асфальте.

Хара крепче сжала ляжку рюкзака, чувствуя, как по спине пробежала дрожь. Этот город, такой знакомый с детства, теперь казался чужим. Тьма здесь была живая. Она будто следила за ними. Хара ощущала это каждой клеточкой тела.

Дохён шёл впереди. Его силуэт был едва различим в полумраке, но Хара настолько хорошо знала старшего брата, что могла предугадать каждое его движение. За время, прошед-

шее с исчезновения их отца, Дохён изменился: стал жёстче, молчаливее, словно сам превратился в одну из тех теней, на которые они охотились.

– Ты чувствуешь? – прошептала Хара, но в тишине переулка её голос прозвучал слишком громко.

Дохён замер. На мгновение улица будто задержала дыхание вместе с ним. Хара заметила, как он медленно сжал рукоять кымганчжо¹. Оружие вспыхнуло в неровном свете, металлический отблеск дрогнул, будто подчиняясь неведомой силе.

– Здесь что-то есть, – ответил он, не оборачиваясь и продолжая всматриваться вперёд.

Тьма шевельнулась.

Сначала Хара подумала, что это просто игра света или её воображения, но затем она услышала звук: хриплое, леденящее душу дыхание. Из-за угла показался силуэт. Существо было слишком высоким для человека, его конечности выгибались под неестественными углами, как у сломанной куклы, а глаза, чёрные впадины, прожигали Хару взглядом.

– Держись позади меня, – коротко бросил Дохён и перехватил кымганчжо.

Существо приближалось медленно, растекаясь по земле, как плотный дым, и с каждым шагом его присутствие ощущалось всё сильнее. Воздух вокруг сгущался, становясь тяжёлым и затхлым, как в глубоком колодце. Хара готова была поклясться, что слышала голос – зловещий шёпот, зовущий её в темноту, но, глянув на брата, поняла, что Дохён ничего не слышал.

Шагнув назад, Хара замерла. Ноги налились тяжестью, и пошевелиться больше не получалось, но её будто тянуло к существу. Дохён резко обернулся. Он что-то сказал, но слова растворились в тягучем вязком воздухе. Хара видела лицо брата, видела, как в его глазах мелькнула тревога. *Он тоже слышал?* Нет. Он просто заметил, как она застыла, не в силах сдвинуться с места.

– Не поддавайся, – его голос был едва слышен, но в нём сквозила стальная уверенность.

Существо наконец остановилось в нескольких шагах от них и протянуло руки, будто хотело дотронуться до Хары. Неверный свет фонарей очерчивал его туманный силуэт, и Хара ясно видела, как полупрозрачные пальцы чудовища трясутся, стремясь коснуться её. И тогда она отчётливо разобрала тот шёпот, услышанный раньше.

– Ты одна из нас...

– Нет! – выкрикнула Хара и резко открыла глаза.

Мрак рассеялся. Тусклый лунный свет из окна озарял хорошо знакомый потолок. В воздухе повисла оглушающая тишина, наполненная лишь прерывистым дыханием Хары.

В первые мгновения она просто смотрела вверх, пытаясь понять, где находится, и осознать, что произошло. Холодный пот скатывался по шее, впитываясь в наволочку. Дрожащими руками Хара убрала мокрые пряди со лба и села, неловко стянув одеяло с ног. Подобные сны с недавних пор снились слишком часто, и с этим надо было что-то делать. *Но что?* Говорить о них брату совершенно не хотелось. Дохён и так в последнее время был сам не свой и подозрительно косился на неё.

Задержав дыхание, она на несколько секунд зажмурилась, словно надеялась, что, открыв глаза вновь, увидит свою обычную комнату без какого-либо намёка на потустороннее. Однако холод кошмара не отпускал. Тени в углах, смазанные лунным светом, казались гуще, подвижнее и словно шевелились в такт её бешеному пульсу. Харе казалось, что в груди у неё билась в страхе маленькая пичужка, запертая в клетке рёбер и перепуганная до смерти тем, что обычные люди считали просто вымыслами.

Всё было слишком реальным.

Хара поёжилась и, потянувшись к тумбочке, нащупала стакан, поднесла к губам, но он оказался пустым. Понимая, что шансов снова уснуть нет, она встала с кровати, опустив босые

¹ Ритуальный меч (кор.). Здесь и далее примечания автора, если не указано иное.

ступни на тёплый пол, и удивлённо посмотрела вниз: ещё вечером он был холодным. *Дохён включил ондоль*²?

Хара шагнула к стулу, стоявшему у стола, заваленного учебными материалами, схватила халат и вышла в коридор.

Ночью их старый дом жил своей жизнью.

Когда солнце заходило за горизонт, привычные вещи начинали казаться иными. Деревянные балки, сохранившие память множества лет, скрипели, будто переговаривались между собой на языке, понятном только им. В ветреную погоду особенно сильно создавалось ощущение, что кто-то тихо бормочет под потолком: старческий голос, глухой, усталый, словно сетовал на своих хозяев.

Тихо, почти бесшумно, Хара кралась на кухню мимо комнаты Дохёна, сжимая в руках пустой стакан, но, заметив приглушённый свет в гостиной, остановилась. Посмотрев на холодильник в дверном проёме кухни, Хара обратила внимание на электронные часы на его дверце: четыре сорок четыре утра. Холодок пробежал вдоль позвоночника от такого неприятного совпадения: столько четвёрок не сулили ничего хорошего³.

Когда она подошла ближе и осторожно выглянула из-за угла, увидела, что рядом с диваном у низкого столика расположился Дохён. Он сидел на циновке, спиной к дверному проёму, склонившись над ворохом бумаг, свитков и старых книг, которые, похоже, были связаны с отцом. Дохён каждую свободную минуту посвящал изучению старых отцовских дел в поисках ответа на главный вопрос: куда пропал Кан Инсо? Но пока ничего конкретного найти не удалось.

Дохён выпрямился, потянулся и зевнул. Очевидно, он ещё не ложился.

Хара тихо вздохнула. Ещё один долгий день, в котором они оба пытались скрыть своих демонов.

Она аккуратно отступила в тень, чтобы незаметно проскочить на кухню и не мешать брату, но тот внезапно обернулся через плечо.

– Не спишь? – спросил он хрипло, внимательно наблюдая, как Хара, застигнутая врасплох, качнулась с пятки на носок и шагнула к нему.

Оставалось только удивляться, как быстро он почувствовал её присутствие.

– Да, – тихо ответила она, виновато улыбнувшись. – Тебе тоже?

– Погода беснуется, – Дохён устало хмыкнул, глянув в окно, – решил провести ночь с пользой.

– Похоже, мы оба забыли, что такое нормальный сон, да? – проговорила Хара и аккуратно присела рядом, держа стакан обеими руками. Некоторое время они молчали. – Давно сидишь? – наконец спросила она, не сводя глаз с бумаг, разбросанных на столике.

Среди них были пожелтевшие страницы с рукописными пометками, ветхие фотографии и несколько старинных книг в потрёпанных обложках. Сверху лежала узкая тетрадь с аккуратно написанными иероглифами, которые Хара с ходу не смогла разобрать.

– Почти всю ночь. – Дохён покосился на стакан в её руках и потянулся куда-то вниз, а потом поставил на стол бутылку с водой. – К нам обратились с просьбой избавиться от мульгвишин⁴ у ручья Чхонгечхон⁵. Звучит, конечно, сомнительно, но проверить всё равно надо. И я сначала искал ритуал для изгнания, но наткнулся на кое-что в отцовских заметках... Пытался понять, что всё это значит.

² Система тёплых полов в традиционных корейских домах.

³ В корейском языке цифра четыре произносится как «са» (#), что созвучно иероглифу, означающему «смерть» (#). Отсюда проистекает множество суеверий, связанных с этой цифрой. *Прим. ред.*

⁴ Водный дух, призрак утопленника (*кор.*).

⁵ Ручей в центре Сеула.

Хара нахмурилась. В детстве отец казался ей загадочным человеком. С одной стороны, он был уважаемым историком и знатоком древних верований, много времени проводил в экспедициях по корейской глубинке и собирал старые легенды о духах, демонах и мудан⁶. С другой стороны, дома он редко говорил о своей работе. Хара помнила, когда они с Дохёном стали старше, отец запирался в кабинете до самого рассвета, не разрешая никому входить. Никому, кроме Дохёна. Хару же в тайну семьи посвятили значительно позже.

– Нашёл что-то важное? – спросила она, украдкой вглядываясь в страницы. Большинство заметок были сделаны на корейском, но кое-где виднелись китайские иероглифы, где-то японские или нечто, напоминавшее старинные символы, которые Хара прежде видела лишь в музеях.

– Возможно, – Дохён вздохнул и бережно отложил очередной свиток. – Пока я не до конца понимаю, о чём именно писал отец. Но упоминается какой-то ритуал, связанный с призывом духов, и... – Он запнулся, словно решал, стоит ли продолжать. – И что-то о людях, обладающих «проклятой кровью». Не знаю. Хочу съездить к Сонджу. Может, она в курсе, о чём речь.

– Думаешь, она поможет?

– Ну, иногда же помогает.

– В том-то и дело, что иногда. – Хара повела плечами, взяла бутылку и, открутив крышку, сделала несколько жадных глотков, потом вытерла губы. – Интересно, откуда отец узнал это?

– Может, на охоте, а может, из старых летописей, которые переводил, – ответил Дохён. Он ссутулился и потёр шею рукой, словно пытаясь избавиться от нарастающего напряжения. – Я помню, он часто говорил о том, что официальная история – это лишь верхушка айсберга, и что в глубинах мифов кроются тайны, способные перевернуть наше представление о мире.

Последние слова прозвучали зловеще. Хара перевела взгляд на дневник, по странице которого постукивал пальцем Дохён. «Проклятая кровь...» Жуткая формулировка. Хара не знала, кто мог считаться носителем такой крови, но одна мысль об этом заставила кожу покрыться мурашками.

– Ты в порядке? – тут же спросил Дохён, заметив, как она вдруг побледнела.

– Да, просто... – Хара качнула головой, пытаясь отогнать наваждение. – От кошмара ещё не отошла.

Она не уточнила, что именно ей приснилось. С братом они и так в последнее время мало разговаривали, избегая самой болезненной темы. Потому что та самая Сонджу, потомственная мудан, на очередной вопрос Дохёна об отце несколько дней назад категорично ответила: «Он умер». Но они предпочитали придерживаться мнения, что он пропал, ведь тело обнаружено не было. Так ещё хоть какая-то надежда теплилась в их сердцах.

Всё это угнетало. И сейчас Харе как никогда хотелось выложить всё, что так долго тревожило: рассказать о пугающем шёпоте во тьме, о том, как странная фигура во сне протягивала к ней призрачные руки, о тенях, гуляющих по стенам её спальни с приходом ночи. Но она боялась: вдруг это лишь ухудшит состояние Дохёна, добавит ему новую порцию переживаний?

Они оба устали – это ощущалось во всём, в каждом жесте и взгляде. Но они остались вдвоём, и теперь им нужно держаться друг за друга ещё крепче. Хара решила, что подберёт подходящее время и расскажет о своих снах чуть позже.

– Раз уж нам не спится, – она потянулась к уже знакомой книге о ритуалах и обрядах, Мусок Шинсо⁷, и придвинула её к себе, – давай помогу найти информацию и ритуалы для изгнания мультвишин. Завтра пойдём?

– Да, в полночь.

– И спасибо за ондоль, – добавила Хара, покосившись на брата.

⁶ Шаман, шаманка (кор.).

⁷ «Священные тексты шаманизма» – книга о корейских ритуалах и обрядах.

Дохён в ответ хмыкнул. Как всегда, он был немногословен. И, как всегда, старался проявлять внимание, если это касалось Хары.

Шум дождя то становился яростнее, то стихал, словно город прерывисто дышал. Ночной Сеул жил на грани двух реальностей: одна – сверкающий неоновыми вывесками мегаполис, где в некоторых районах кипела жизнь круглые сутки. Другая – старинная душа города, в которой скрывались духи, демоны и прочая нечисть.

Хара стояла на набережной ручья Чхонгечхон, куда они спустились по одной из многочисленных лестниц с улицы, прижимая воротник куртки к щекам и ощущая чьё-то присутствие. Капюшон скрывал большую часть её лица, но мелкие капли настойчиво просачивались под него, отчего по подбородку стекали холодные ручейки. В воздухе витал запах мокрого асфальта, гари от дешёвых уличных жаровен и едва уловимый аромат кимчи из закуской неподалёку. Но сквозь все эти запахи вдруг проступил ещё один: запах воды, но не дождевой, а стоячей. Он возник внезапно и исчез столь же быстро, оставив в душе Хары странное тревожное чувство.

Мимо неё прошёл Дохён, и Хара проследила за ним взглядом. Его твёрдую поступь почти не было слышно из-за ливня.

– Третий день дождь, сколько можно? – проворчал Дохён, прищурившись. Он остановился, осмотрелся и перевёл глаза на Хару, мотнув головой и стряхивая дождевые капли с торчащих из-под капюшона волос. – В районе моста Квантонгё⁸, – он кивнул на мост слева, – говорят, часто видят злобного духа утопленницы. А на днях она чуть не утащила школьницу.

– Но тут мелко, – Хара глянула вниз на спокойный поток воды, – илюдно. Обычно.

– Тем не менее, – вздохнул Дохён, – мы с тобой прекрасно знаем, что захлебнуться можно и в стакане воды, если какой-нибудь твари это будет нужно.

Ничего не ответив, Хара оглянулась: ей показалось, что кто-то позвал её по имени. Из-за дождя на прежде оживлённой улице никого не было, и Хара не заметила никого, кто бы мог её окликнуть.

– Чувствуешь что-то? – спросил Дохён с хрипотцой в голосе.

Хара повернулась лицом к брату и посмотрела на замотанный в черную ткань кымганчжо в его руках. Когда-то их отец объяснял, что кымганчжо отличается от привычных катан или других восточных клинков особой ковкой и способностью удерживать на лезвии энергетические печати. Но Хара тогда не слишком вникала в подробности: она была слишком молода и не верила, что духи могут бродить по улицам реального мира.

Теперь всё изменилось.

– Чувствую дождь, твои нервы и свою усталость, – отозвалась она, пожав плечами. – А ещё – запах старых перекрытий, хотя трущобы снесли ещё до нашего с тобой рождения.

На самом деле грудь Хары сковало от напряжения. Казалось, воздух наэлектризован, а тени под мостом живут собственной жизнью. Чутьё твердило: что-то не так.

– Ты знаешь, что здесь сохранились камни из гробницы королевы Синдок⁹? – Хара осматривала пролеты моста, пока в голове вспыхивали образы из далёкого прошлого – эти камни сохранили память о царственных династиях, пустых дворах с угасающими фонарями и призрачных огнях, пляшущих на мокрой мостовой.

– Ван Тхэчжон¹⁰ не сильно жаловал мачеху, – ответил Дохён и подошёл ближе к мосту. Остановившись у края набережной, он жестом показал Харе идти тише. – Покончим с обходом

⁸ Мост через ручей Чхонгечхон, построенный во времена Чосон.

⁹ Вторая супруга короля Тхэчжо, отца короля Тхэчжона.

¹⁰ Третий монарх Чосона (иначе династии Ли).

и вернёмся. Не хочу потратить на это всю ночь. Всё равно мне кажется странным появление мультвишин в столь шумном месте.

Свет фонарей, мерцающих наверху, на Чхонгечхон-ро, отражался в лужах, а где-то в отдалении выглядывала ярко освещённая башня Намсан. Хара лишь коротко кивнула в ответ и на мгновение зажмурилась. Её вновь окутал тот странный запах, будто ил с речного дна забился в ноздри. И хотя они с братом охотились на духов уже не в первый раз, Хара не могла понять, связан ли этот запах с духами.

Конечно, она старалась не думать о себе как об охотнице. Хара просто шла по стопам отца, пытаясь понять, почему он посвятил этому жизнь и к чему их с Дохёном готовил. Но хочешь не хочешь, а приходилось признавать: вокруг бродили сущности, которых нельзя списать на фантазии людей.

Дохён и Хара шли вверх по течению, в сторону дворца Кёнбоккун, и вскоре оказались на площади Чхонге, где на асфальте трепетали тени дрожащих от ветра деревьев. Лужи же казались здесь зеркалами, и капли дождя причудливо искривляли их поверхность. Моментами Харе мерещилось, что в отражениях не они с Дохёном, а двое незнакомцев в ханбоках¹¹. Но в следующее мгновение снова видела их с братом фигуры в чёрных куртках и капюшонах.

– Там что-то есть, – тихо сказал Дохён и, убрав промокшую чёрную ткань с рукояти кымганчжо, кивнул вперёд.

Хара проследила за его взглядом: в нескольких метрах от них, где инсталляция в виде огромной ракушки уходила ввысь, будто протыкая ночное небо, вдруг скользнуло нечто. Хара сделала несколько шагов в сторону, вглядываясь в, казалось, движущуюся темноту. Под ногами чавкали лужи, дождь барабанил по капюшону. Внезапно Хара увидела, как в луже, куда она почти наступила, показался чужой женский силуэт. Остановившись, Хара затаила дыхание и всмотрелась в рябь: в отражении возникло бесконечно печальное лицо. Вода затрепетала, и видение пропало, а ближайшие лужи забурлили, словно начали кипеть. Брызги дождя кружились, формируя странные спирали. И вдруг мимо Хары пронеслась тень.

Дохён, успевший пройти чуть дальше, оглянулся, будто почувствовав что-то, и бросился к Харе. Он выхватил кымганчжо, отбросив ткань на землю: лезвие блеснуло, отразив свет фонаря. В движениях брата чувствовались уверенность и опыт: он стремительно рванул вперёд, видимо надеясь застать дух врасплох. Но тот извернулся. Хара расстегнула куртку и нащупала во внутреннем кармане приготовленные талисманы пуджок¹², написанные лошадиной кровью.

– Это мультвишин! – Дохён ещё раз яростно рубанул воздух мечом.

В книге Мусок Шинсо, которую вчера читала Хара, было сказано, что эти неупокоенные души выжидают удобного момента, чтобы утащить человека с собой на дно, заменив им себя в мире мёртвых. Их судьбы связаны с трагедией – предательством, несчастной любовью или же случайной гибелью. Для Хары подобные истории уже давно не звучали как детская страшилка – она неоднократно видела, на что способны злые духи.

Но это создание почему-то её не пугало, как должно было.

Когда кымганчжо Дохёна прошёл сквозь водяную плоть духа, Харе показалось, что она увидела глаза. Широко раскрытые, полные ужаса глаза. Они смотрели прямо на Хару, и в них таилась не злоба, а безмерная тоска. Тень потекла к стене здания неподалёку, оставив за собой лишь мокрый след.

– Вернись! – скомандовал Дохён.

Он резко опустил на одно колено и с силой хлопнул ладонью по асфальту. В воздухе возникла вибрация: волна пробежала по лужам, заставив воду колыхнуться, а уличный фонарь

¹¹ Традиционный корейский костюм.

¹² Бумажный защитный амулет.

над головой – замигать. Затем Дохён встал и ударил себя по груди открытой ладонью – это был боевой призыв, которому, по всем законам ритуала, дух должен был подчиниться. Но мульгвишин и не подумала возвращаться к охотнику. Её крик, жалобный и пронзительный, вспорол ночную тишину, когда Дохён резанул ладонь и окропил кымганчжо кровью. Хара прикусила язык, словно ощутила его боль в этот момент, но лицо брата оставалось бесстрастным.

Существо металось из стороны в сторону, натываясь на ритуальные знаки, которые Хара успела бросить ему наперерез. Она хотела окончательно загнать мульгвишин в ловушку, но почувствовала болезненную волну в груди, словно кто-то отчаянно звал на помощь. Тихий шёпот раздался у Хары в голове:

«Помоги... Спаси меня...»

Она чуть не выронила очередной пуджок, зажатый между пальцев. Сердце ухнуло куда-то вниз. Эта мульгвишин не хотела нападать на них, она умоляла их совсем о другом.

– Подожди! – закричала Хара, когда Дохён уже собирался нанести удар со словами изгнания. – Остановись! Она... не нападёт!

Он удивлённо глянул на Хару, замедлившись лишь на секунду, но дух не стал ждать, пока Дохён доведёт дело до конца. Мультвишин метнулась влево, к узкой улочке, с невероятной скоростью проскользнув под металлической решёткой у тротуара между припаркованными машинами, и буквально растворилась в темноте водостока. Гулкий всплеск разнёсся эхом в ночи, а на мокром асфальте осталось несколько смазанных отпечатков босых ног. Подобное Хара видела впервые: обычно злые духи стремились навредить людям, но эта сущность, напротив, бежала без оглядки, как испуганный ребёнок.

В душе Хары бурлили чужая боль и собственный страх. Она всё ещё чувствовала отголосок просьбы о спасении.

Металлический лязг вырвал Хару из оцепенения: кольцо на пальце Дохёна звякнуло о рукоять кымганчжо. Он подошёл к ней и, тяжело дыша, осмотрел, словно проверяя, в порядке ли она. Впрочем, вместо сочувствия в его глазах горел праведный гнев.

– Ты мешаешь мне работать, – прошипел он, вытирая струйки дождевой воды и крови со своей ладони. В голосе слышались усталость и раздражение. – Ещё чуть-чуть, и я бы смог её прикончить.

Хара поджала губы, не зная, что ответить. Её волновал не только холодный тон брата, но и странное сочувствие, которое она вдруг испытала к этому существу.

– Ты не слышал? Она... – начала Хара, но прикусила язык. Как объяснить, что у неё в голове звучал голос духа? – Она не хотела нас убивать, – закончила Хара, отвернувшись от рассерженного Дохёна.

– Это мульгвишин, – процедил он, словно объясняя прописную истину. – Она утопленница. Утопленники всегда ищут жертву, чтобы заменить себя и обрести покой. Ты сама вчера мне читала это вслух. У них нет качеств, которые ты пытаешься в них разглядеть.

Хара снова почувствовала себя маленькой девочкой, которую отчитывали за проступок. Осталось только руки сложить на груди и обиженно надуться. Но от этих мыслей её отвлекло нечто, что она заметила на стене, там, где исчез дух. Хара пригляделась: идеальный круг с восемью спицами внутри и какими-то символами по краю. Она моргнула, и рисунок поблёк, а через мгновение исчез, словно его и не было. Хара торопливо вытерла глаза: могло почудиться под ливнем. Она оглянулась на брата, но тот явно ничего не наблюдал. Дохён стоял с угрюмым выражением лица и разминал руку, словно старался унять дрожь в ней.

Он нагнулся и поднял тряпку, что бросил на землю раньше.

– Пошли, – буркнул Дохён недовольно, – придётся возвращаться в другой раз.

Пока они поднимались к парковке, где оставили машину, Дохён заматывал кымганчжо в ткань, а Хара старалась не показывать, насколько сильно её обеспокоило сегодняшнее происшествие. Вот только запах застоявшейся воды и ила сорвал на мгновение маску с её лица.

Страх лизнул сердце. Дохён, судя по всему, снова ничего не почувствовал. Он даже бровью не повёл, хотя обычно первым замечал неладное.

Хара попыталась заговорить:

– А тебе не кажется, что что-то... происходит? Я не знаю, как объяснить. Ощущение, будто...

– Не кажется, – резко ответил он, даже не повернув головы. – Мне всё кажется нормальным. Кроме того, что ты помешала сегодня.

– Но... – Хара осеклась. Брат всегда защищал её и оберегал настолько, что правду о семье она узнала от силы года три назад. А после того, как отец пропал, опека только усилилась: Дохён привык командовать и контролировать. В его глазах всё, что Хара сейчас скажет, будет звучать как детская блажь. – Ладно.

Она замолчала, раздражённо сопя, и просто пошла следом за братом. Но когда они добрались до машины, Хара потянулась к ручке дверцы и увидела на своём запястье странное пятно, похожее на какой-то символ. Стоило ей моргнуть и потереть пальцем это место, как пятно исчезло, оставив на коже лишь неприятный холодок. Видимо, Хара стала слишком впечатлительной.

Всю дорогу до района Сонбук-дон, где находился их дом, они ехали в тишине. Здесь, у горы Пугаксан, жили многие знаменитости, располагались резиденции послов некоторых стран, и их особняки затмевали и красотой, и размерами дома обычных людей. Родовое гнездо семьи Кан одновременно выделялось среди прочих и выглядело более чем незаметно. Это был обычный ханок¹³ на отдалённой улице Тэсагван-ро. И в нём сохранилось много традиционных элементов: скатные крыши с извивающимися керамическими коньками, внутренний дворик, каменные фонари в углах сада. Когда они с братом вошли внутрь дома, Хара ощутила знакомый запах дерева, лака и старых свитков, пропитанных дымом благовоний.

Скинув промокшую куртку, она направилась в просторную комнату – сердце дома, где вчера они с Дохёном коротали бессонную ночь. На стене висел старый меч их отца – не кымганчжо Дохёна, а другой, то ли церемониальный, то ли трофейный. Дохён молча зашёл следом, проведя рукой по волосам, чтобы стряхнуть воду.

– Что это сегодня было, Хара? – спросил он без прелюдий, повернувшись к ней лицом. – Зачем ты остановила меня?

Она сжала губы, борясь с желанием наговорить грубостей. Хара опять сердилась на него за жёсткость, но понимала, что он защищает её. Как может.

– Ты сам видел: мультвишин не напала. Она просто... Я слышала её голос. – Хара замолчала, поймав взгляд Дохёна – настороженно-холодный.

– Может, тебе показалось. – Он отвернулся, стянув мокрую футболку через голову по пути в свою комнату. – Не забывай, какая у нас работа. Эти существа коварны, они знают, как играть на эмоциях.

– Да, но это не значит, что они все одинаковые! – Хара направилась за ним и ощутила, как в ней нарастает гнев. – Мы не можем просто истреблять всех, кто нам попадает на пути. Может, нужно было помочь ей...

Дохён зло бросил футболку в сторону корзины для белья и скептически посмотрел на Хару.

– Ты ещё скажи, что подружилась с духом утопленницы. Ты не понимаешь, чем это грозит. Если эти существа узнают, что ты... – Он запнулся. – В общем, я предупреждаю, не лезь. У нас и так проблем по горло, не хватало ещё, чтобы ты попала под влияние какой-нибудь твари.

Хара почувствовала, как пальцы на руках похолодели. Брат снова что-то скрывает от неё. Можно было даже к шаманке не ходить, чтобы понять: отец успел сообщить Дохёну какую-то тайну. И тайна эта, судя по всему, касалась непосредственно её, Хары.

¹³ Традиционный корейский дом.

Неужели вся её жизнь будет состоять из секретов и недомолвок?

– Я устала от твоих загадок, – тихо проговорила она, с трудом сдерживая дрожь в голосе. – Если ты знаешь что-то обо мне... или об этих существах... скажи прямо! Я не маленькая девочка.

Дохён замолчал. Он явно колебался, возможно, потому что ему тоже было нелегко скрывать правду. Но вместо ответа он лишь выдавил:

– Иди спать. Завтра я отвезу тебя в универ. И больше без моего ведома никуда не ходи.

Он закрыл дверь в свою комнату, оставив Хару на пороге гостиной, где мягкий свет старой лампы на низеньком столике у дивана освещал меч отца. Хара стояла, прислушиваясь к стуку дождя по черепице. В этой ночной тишине дом казался одновременно крепостью и ловушкой.

Не раздеваясь, Хара ушла к себе и упала лицом в подушку. Из-за стены не доносилось ни звука. Либо Дохён уже уснул, либо он снова занимался, чем обычно: в тишине изучал записи из шкафа в отцовской комнате. Хара перевернулась на бок и, подтянув колени к груди, обхватила их руками.

Она смотрела на беснующиеся тени на стене и думала, что, наверное, было бы лучше, если бы она до сих пор считала отца просто историком, профессором, и не знала о существовании другого мира. Мира, до которого можно дотронуться, протянув руку. Хотя, с другой стороны, если бы все эти сны начались в блаженном неведении, ментальное здоровье точно бы помахало ей ручкой: какой человек в здравом уме поверит рассказам о духе бабки, которая душит ночами новых жильцов квартиры? Или о духе, заставляющем очередного алкоголика захлебнуться в стопке соджу¹⁴?

Хара думала об этом всё и не заметила, как снова провалилась в жуткий вязкий кошмар.

Тёмное пространство обволакивало барахтающуюся в воздухе Хару. Она силилась понять, куда попала, но ничего не получалось рассмотреть. Вокруг был непроглядный мрак. Паника схватила за горло и пережала трахею, но стоило открыть рот, как тьма будто попыталась заполнить его.

Вспышка. Хара дёрнулась, и её окружили начертанные огнём иероглифы. Они то и дело изгибались в сложном танце, и Хара не могла разобрать их. Откуда-то из необъятных глубин морока доносился ритмичный стук, похожий на удары далёких барабанов. А потом из мрака появился мужчина. Он медленно шёл к Харе, и она не могла оторвать взгляд от его глаз.

– Кто ты? – прошептала она, и голос её утонул в густом воздухе.

– Мы ждали тебя.

– Проснись! – приказал кто-то другой, не терпящий возражений. – Проснись!

Хара вдохнула, словно вынырнув из ледяной воды, и резко села, схватившись за горло. Она всё ещё была в своей комнате, одна. Дождя больше не было слышно, тени на стенах уже не плясали. Вот только сердце Хары продолжало колотиться, сбиваясь и пропуская удары, потому что перед глазами до сих пор стоял взгляд незнакомца, а на языке крутился вопрос: *кто это был?*

¹⁴ Традиционный корейский крепкий алкогольный напиток, обычно прозрачный и изготавливаемый из риса, ячменя или сладкого картофеля. Считается частью корейской культуры застолий и ритуалов.

Глава 2. Тайны прошлого

По влажным от утренней росы тропинкам храма Чогеса скользит тонкая пелена тумана. Дохёну всего пятнадцать. Он идёт за отцом, осторожно переступая через неровные камни, чтобы не поскользнуться. В этом храме обычно полно людей и туристов, но сейчас – в столь раннее время – он кажется покинутым. Лишь неверный свет первых лучей восходящего солнца озаряет силуэты деревьев, ветви которых слегка покачиваются на ветру.

Отец Дохёна – Кан Инсо – человек видный и в физическом, и в духовном плане. Высокий, широкоплечий, с прямой осанкой; о нём ходят легенды среди тех, кто соприкасается с миром духов, – Дохён слышал некоторые. Но никто не знает, что он воспитывает сына в строгости и никогда не делает поблажек. Даже сейчас, глядя на спину отца, Дохён испытывает нечто среднее между уважением и холодящим душу трепетом. Отец идёт уверенной поступью, не оглядываясь, видимо, зная, что Дохён ни за что не отстанет.

– Помни, мы пришли сюда не ради праздного любопытства, – негромко говорит отец, когда они достигают высокой пагоды Будды. Откуда-то из глубины храмового комплекса доносится аромат благовоний, чуть сладкий и терпкий, с нотками сандала.

– Да, отец, – коротко отвечает Дохён. Он сжимает в кармане маленький талисман-пуджок, который накануне получил от отца. Тот учил, что амулет способен не только защищать, но и усиливать духовное чутьё.

Утро тихое до звона в ушах, несмотря на тот факт, что храм находится в центре Сеула. Лишь ветер слегка шуршит в ветвях одинокой белой сосны перед залом Тэучжон: Дохён прочитал его название на табличке над входом. Отец останавливается в самом центре двора, между пагодой и деревом. Дохён встаёт рядом, слегка волнуясь. Он слышал, что некоторые монахи храма время от времени видели духов, и отец утверждает, что именно здесь можно научиться «смотреть за грань». Дохён уже давно хочет доказать, что готов к подобным испытаниям.

– Вокруг происходит больше, чем тебе кажется, – мягко, но одновременно с нажимом произносит отец и поворачивается к Дохёну, приподняв бровь.

– Я уже готов. – Он вскидывает подбородок, стараясь выглядеть решительно. Ему кажется, что страх – это слабость, которую он обязан выжечь в себе.

– Думаешь, готов? – повторяет отец, и в его голосе проскальзывает жёсткая нотка. – Тогда скажи, кто стоит у меня за спиной.

Каменные плиты залиты солнечным светом, и, посмотрев за спину отца, Дохён видит лишь пустоту. На первый взгляд всё выглядит обычным.

– Я... – Дохён хочет сказать, что ничего не видит, но так и не договаривает. Отец наверняка спрашивает не просто так. Там должен быть кто-то.

Стиснув зубы, Дохён прищуривается, пытаясь уловить любой намёк на движение или чьё-то присутствие. Но ничего не меняется.

– Смотри лучше, – произносит отец уже более серьёзно. И тут же, обернувшись вполоборота, он почти незаметным движением извлекает из ножен кымганчжо. С клинка срывается капля росы, отразившая солнечный свет. – Если полагаешься только на зрение, можешь не успеть увернуться.

В следующий миг отец молниеносно шагает вперёд и наносит удар куда-то в пустоту за своей спиной. Раздаётся короткий свист, и лезвие, кажется, пронзает воздух. От этого движения возникает тень, закружившаяся клубящимся облаком. Это облако принимает очертания человека и сжимается, сжимается, сжимается...

– Тхэджагви¹⁵, – тихо говорит отец, не убирая кымганчжо. – Дух-предсказатель. Его по ошибке могли призвать, когда в храме проводили обряд чтения пророчеств. Или он явился самостоятельно, почуяв лёгкую добычу.

Дохён, оцепенев от ужаса, смотрит на полупрозрачный дух маленькой девочки. Он знает о тхэджагви из отцовских рассказов: эти духи редко нападают на людей напрямую, но способны открывать двери в иные миры. Они сулят безумие или наделяют пророческим даром – всё зависит от того, как к ним отнестись. Но знать и видеть это существо перед собой – разные вещи. Отец держит кымганчжо наготове, и Дохён слышит слабую вибрацию от его лезвия, будто меч чувствует тхэджагви.

Внезапно дух произносит голосом, который звучит сразу отовсюду:

– *Этот мальчик будет сломлен, но восстанет.*

Тхэджагви смотрит своим безглазым взором на отца и добавляет:

– *Ты не сможешь уберечь его от той судьбы, что выпала на его долю.*

– Ошибаешься, – ровно отвечает отец, не моргнув. – Он выстоит.

На последнем слове тхэджагви поворачивается к Дохёну. Прозрачная маленькая рука указывает на него, и Дохёну на миг кажется, будто дух пытается забраться к нему в душу, разыскивая самые потаённые страхи.

– Ом Мани Падме Хум!¹⁶ – произносит отец уверенно и чётко, замахнувшись кымганчжо, и тень, разрубленная пополам, проходит сквозь Дохёна и исчезает, как рябь на воде.

Отец, опустив меч, сжимает плечо Дохёна и спрашивает:

– Не испугался?

– Нет, – врёт Дохён.

– Хорошо. – Отец вздыхает и, посмотрев на пагоду Будды, вновь переводит взгляд на сына. – Но страх – не слабость. Запомни, что сказал этот дух. И знай: ты можешь пойти иным путём, чем он предрекает.

Однако Дохён чувствует, что отец просто пытается его подбодрить. Уж он-то хорошо знает, насколько опасна стезя охотников. В солнечном свете лицо отца бесстрастно, но Дохён уверен: что-то гнетёт его. Видимо, он тоже не рад встрече с тхэджагви и его словам.

Так состоялся первый серьёзный урок Дохёна в мире охоты за духами. Он хорошо запомнил храм Чогеса, силуэт тхэджагви и то, что духов можно встретить не только ночью. А ещё лучше в память врезались пророческие слова: «Этот мальчик будет сломлен, но восстанет». Дохён не знал, что имел в виду дух и почему отец так решительно заявил обратное. Но тогда сквозь подростковую самоуверенность пробрался холодок сомнения: быть может, когда-нибудь ему придётся столкнуться с серьёзными испытаниями. Будет ли он готов к ним?

Сейчас, сидя в полумраке своей комнаты, Дохён перелистывал хрупкие страницы записей отца. Свет торшера, стоящего у матраса, на котором сидел Дохён, падал на пожелтевшую бумагу, высвечивая потускневшие чернила. Рядом лежали две большие тетради – дневники отца, а также несколько свитков, испещрённых хангылем¹⁷ и ханчой¹⁸. И всё же та короткая встреча с тхэджагви много раз всплывала у Дохёна перед глазами, напоминая о том, насколько тонка грань между миром людей и миром духов.

Он откинулся на стену, задрал голову и сжав переносицу: глаза болели от напряжения и недосыпа. Дохён листал страницу за страницей и пытался найти хоть какую-то связь с недавними событиями. Не понимать, что происходит, – сущая пытка для него. Ещё и у Хары проявилась связь с духами... Этого только не хватало.

¹⁵ Дух умершей девочки, который предсказывал будущее.

¹⁶ Одна из самых известных мантр в буддизме Махаяны.

¹⁷ Корейский алфавит.

¹⁸ Корейское название китайских иероглифов.

На одной из страниц отцовского дневника Дохён наткнулся на странную запись, выведенную аккуратными иероглифами:

#####.#####.¹⁹

«Унмёнэ Пакви. Колесо Судьбы...» – тихо повторил Дохён, смотря в потолок и водя пальцами по блёклым иероглифам. Он уже встречал это понятие в фольклорных книгах, которые отец хранил в своей библиотеке, но никогда не придавал ему особого значения. Казалось, это один из множества мифических символов, как Древо мира или Узел жизни. Но теперь, после столкновения с мультвишин и странных фраз Хары про «слышала голос», оно вдруг обрело иной смысл.

Дохён не сказал Харе, чтобы не волновать её ещё сильнее, но сегодня ему почудилось, что на стене, возле места, где исчезла мультвишин, проступил круг со спицами внутри. И теперь, увидев эскиз в дневнике отца, Дохён понял: нет, не почудилось. Отец зарисовал что-то похожее на зловещий обод, вокруг которого шли символы. Сплетение линий на полях страницы напоминало одновременно и руны, и ханчу. Вдобавок что-то подобное он увидел на обрывке свитка, где были изложены выдержки из шаманских текстов.

– Если печать нарушится, появится тот, кто сможет соединить два мира, – произнёс Дохён вслух, осмысляя.

О какой печати речь? Кто явится? И самое главное – это может быть как-то связано с Харой?

Надо было искать ответы. *Но где?* Отец пропал, оставив после себя лишь хаотичные записи и массу вопросов. Была, конечно, мудан Сонджу, с которой работал отец, но Дохён ей категорически не доверял.

Он посидел ещё какое-то время, смотря на рисунок, и вздохнул. Кажется, выбора не оставалось: требовался человек, сведущий в шаманских обрядах больше него и умеющий работать с печатями, рунами, духами. Увы, никаких официальных толкований о «Колесе Судьбы» найти в книгах по истории или религии не получалось – все отсылки вели к фольклору и суевериям.

Скрипнув зубами, Дохён принял решение встретиться с Сонджу. В конце концов, отец тоже прибегал к её помощи, хоть и осторожно. Если кто и сможет прояснить что-то, так это она.

В сумерках улицы Сеула превращались в океан огней: клубы, бары, кафе и уличные забегайки – всё горело неоновыми вывесками и привлекало посетителей, как мотыльков. Район Пукчон славился своими переулками, где ханюки соседствовали с современными многоэтажками. Среди этих извилистых улиц затерялся старый чайный дом. Говорили, что раньше это была усадьба древнего рода, а теперь здесь угощали гостей ароматными настоями и сладким рисовым печеньем.

Дохён зашёл внутрь и уловил запах имбиря и жасмина, смешанный с лёгкой горчинкой трав. В помещении царил полумрак, а вдоль стен шёл ряд столиков с подушками на полу вместо стульев. Почти все посетители уже ушли, так как время близилось к закрытию, и лишь у окна сидела девушка в чёрном ханбоке, расшитом золотыми узорами. Это и была Сонджу.

Она не была старухой, какими показывали в кино стереотипных мудан; напротив, она выглядела молодо, хоть и была, кажется, немного старше Дохёна. Но в глазах Сонджу читался такой опыт, что Дохён невольно напрягался каждый раз, когда она смотрела на него. Внимательно, испытующе. Так было с самой юности. Наверное, ещё и по этой причине он с подозрением относился к Сонджу, ведь уже тогда отец общался с ней на равных. А с ним – нет.

Сонджу сидела прямо, с горделивой осанкой, и, встретив его взгляд, улыбнулась одними уголками губ.

¹⁹ «Унмёнэ Пакви пребывает в покое, но равновесие непрочное. Если печать нарушится, явится тот, кто сможет связать два мира». (Кит.)

– Я ждала тебя, – проговорила она, когда Дохён сел напротив за низкий стол. Её голос звучал негромко и без лишней проникновенности, но в нём ощущались уверенность и сила.

– Не слишком ли самонадеянно? – усмехнулся Дохён, старательно сохраняя маску холодного безразличия. Он знал, что шаманам нельзя показывать свою слабость. – Ты ведь не могла знать точно, что я приду.

– Но пришёл же, – ответила Сонджу и поставила перед ним пиалу с горячим чаем. Дохён уловил аромат жасмина. – Твои вопросы слишком прямолинейны, Кан Дохён. Я чувствую твои нетерпение и злость.

Дохён сморгнул, будто она прочитала его мысли.

– Я не доверяю мудан, – сказал он ровно и, взяв пиалу, поднёс её к губам, но глоток так и не сделал. – Считаю, вы чаще врётё, чем говорите правду.

Сонджу не выказала обиды. Её тонкие пальцы скользнули по золотистой вышивке на чёрном шёлке ханбока. Она вздохнула.

– А я не доверяю охотникам. – Сонджу посмотрела на Дохёна исподлобья и подалась вперёд, облокотившись о стол. А затем подпёрла голову рукой и пожалала плечами. – Видишь, мы квиты. Но если ты хочешь что-то выяснить, придётся потерпеть друг друга.

Дохён немного напрягся: выходит, она что-то знала. Вероятно, отец всё же делился с ней какими-то деталями. Или она сама почувствовала перемены в городе.

– Ты знаешь о «Колесе Судьбы»? – напрямую спросил он, решив не терять времени. – И о том, что некая «печать» может быть нарушена?

– Что-то слышала, – уклончиво ответила Сонджу, отведя взгляд и закусив губу. Она поймала ленту пояса и заставила её скользить между пальцами, а потом мотнула головой, нахмурившись. – Но я давно перестала полагаться на слухи. Открой сердце миру духов, и они сами придут с ответами.

– Мне не нужны эзотерические речёвки, – отрезал Дохён и поставил чашку на стол, так и не отпив из неё. – Я хочу знать, как это связано с моей сестрой. Скажи, что ты скрываешь?

Сонджу посмотрела на него и слегка прищурила глаза. Наступила пауза, во время которой за ширмой чайной комнаты слышался лишь шёпот хозяйки заведения, перебиравшей посуду.

– Ты всегда был прямолинейным, – ответила Сонджу спокойно, – и упрямым, как твой отец. У вас обоих жёсткий взгляд и непоколебимость в решениях. Однако наш мир не чёрно-белый. Хара... – она произнесла имя сестры Дохёна, будто пробовала его на вкус, – связана с древней силой, и ты это знаешь. Хоть и не говоришь ей. – Дохён услышал осуждение в её голосе и хмыкнул. – Может, этот дар ей не нужен, а может, именно он сохранит баланс между двумя мирами. Если Унмёнэ Пакви действительно в движении, то...

– Прекрати говорить загадками! – повысил голос Дохён. В глубине души он уже сожалел, что ввязался в этот разговор. Сонджу, как и другие шаманы, любила иносказания. – Либо скажи прямо, либо не трать моё время.

Сонджу странно улыбнулась и медленно достала из рукава ханбока свёрнутый амулет. Это был пуджок, похожий на тот, что отец когда-то дал Дохёну, но куда более старый. На бледно-жёлтой бумаге красной тушью был нарисован символ, обведённый по контуру защитными иероглифами. Когда она положила амулет на стол, у Дохёна внутри всё похолодело: это был точно такой же символ, который он видел тогда на стене и в дневнике отца.

– Откуда... – начал Дохён, но осёкся.

– Думаешь, только ты один знаешь о таких вещах? – Сонджу невесомо провела пальцами по амулету. – Этот знак передавали в некоторых шаманских кругах столетиями. Он означает... – Её губы приоткрылись, будто она раздумывала, говорить ли дальше. – «Врата, соединяющие начало и конец». Назови это Колесом Судьбы, Печатью двух миров – смысл одинаков.

Дохён почувствовал, как внутри у него нарастает волна раздражения и тревоги. То, что он считал суеверием, вдруг оказалось реальностью. Хара уже страдала от непонятных видений, он чувствовал это, пусть она и не делилась с ним, и теперь ему явно пытались внушить, что она является частью какого-то большого плана.

– Откуда ты узнала о Харе? – переспросил Дохён, стараясь сдержать эмоции.

– Рядом с ней дрожит грань между мирами. Я заметила это ещё прошлой осенью, тогда твой отец приходил ко мне в последний раз. Вместе с Харой.

При упоминании отца сердце Дохёна сдавило. Он до сих пор не мог смириться с тем, что Кан Инсо исчез, не оставив никаких объяснений. Впрочем, возможно, это была его воля: оберегать детей от страшной правды, пока сам он бьётся с тьмой. Но теперь тьма, кажется, подобралась к их семье слишком близко.

– Ты лжёшь, – процедил он сквозь зубы, сам толком не зная, почему считает, что шаманка может обманывать. – Отец не стал бы посвящать тебя во все детали.

Сонджу не ответила на этот выпад. Её взгляд вдруг смягчился, и в нём промелькнула печаль.

– Ты её защищаешь, но при этом не замечаешь очевидного. Возможно, сам боишься признать, что ваша семья связана с миром духов сильнее, чем любые другие охотники. – Сонджу накрыла ладонью кисть Дохёна, но тот резко отдернул руку, будто обжёгшись. – Гора Пугаксан. Там, в одной из пещер, остались следы обряда, который проводили ещё в эпоху Чосон. Может, там ты найдёшь свою правду. Или хотя бы её часть.

Дохён ничего не ответил. Он молча поднялся из-за стола, швырнул на него купюры за чай и развернулся к выходу. В груди клокотали гнев, обида и страх за Хару. Сонджу была слишком спокойна для человека, который сообщает настолько тревожные вещи. *Может, она просто играет с ним, как кошка с мышью?*

Когда он уже занёс ногу, чтобы переступить порог, Сонджу тихо произнесла вслед:

– Береги себя, Дохён. И Хару тоже. Возможно, судьба уже постучалась в вашу дверь.

Он не обернулся, но ощутил, как ёкнуло сердце от этого мягкого, но наполненного силой голоса. В глубине души он понимал: где-то она права. Что-то меняется. И если он будет упрячиться дальше, рискует потерять всё.

Ночь встретила Дохёна пронизывающим холодным ветром. Несколько фонарей едва освещали дорогу. Прохожих уже почти не было. Дохён шёл быстрым шагом, сжимая в руке амулет, который за мгновение до выхода схватил со стола. Он даже не понял, зачем это сделал. Может, чтобы Сонджу не продолжала играть с ним? Или чтобы самому разобраться в силе, что исходила от этого талисмана? Но как только его пальцы коснулись амулета, то тут же занемели. Магия, заключённая в свёрнутой бумаге, была невероятно мощной. Неужели она действовала на самого Дохёна?

«Хара связана с древней силой, и ты это знаешь. Хоть и не говоришь ей», – всплыли в памяти слова Сонджу.

Это разозлило его ещё сильнее. Он сжал талисман крепче. Внутри бурлила ярость: и на Сонджу, и на ситуацию, и даже на отца, который не оставил ему чёткого плана, кроме этих дневников и сомнительных зацепок. Но превыше всего Дохён был зол на себя самого за то, что не может защитить Хару так, как обещал после смерти матери. Он ведь поклялся, что не даст сестре утонуть в тёмном водовороте, с которым сам кое-как справлялся все эти годы.

В конце концов он резко остановился, вдохнул холодный воздух и поднял глаза на тёмное небо, где сквозь рваные тучи виднелся тусклый лунный диск. Этой ночью у него не будет сил пойти в горы Пугаксан. Слишком много информации и эмоций обрушилось разом. К тому же Хара одна дома, и Дохён не может оставлять её одну надолго.

– После страданий приходит радость²⁰, – пробормотал он с горечью.

Но в глубине души чувствовал, что утро не решит всех проблем. Скорее всего, только усугубит их. Тем не менее у него не оставалось иного выхода, кроме как попытаться собрать разумную картину из разрозненных осколков. Как и советовала Сонджу, он найдёт пещеру, но без её помощи. Дохён не привык доверять кому попало, особенно людям, причастным к потусторонним силам.

Посмотрев на амулет ещё раз, он сунул его в нагрудный карман рубашки под курткой. И зашагал прочь, чтобы поскорее добраться до машины.

Дома царила привычная тишина. Створки ворот были закрыты, но не заперты, и Дохён, припарковавшись, тихо прошёл во внутренний двор, стараясь не разбудить Хару. Он понятия не имел, сколько сейчас времени – может, два, а может, три часа ночи. На него навалилась усталость, но мысли не давали покоя.

В свете уличного фонаря, с трудом пробивающегося через матовые стёкла двери, Дохён увидел силуэт сестры в коридоре, но, когда вошёл внутрь, обнаружил, что она спит у себя в комнате. *Наверное, просто показалось. Или Хара встала и быстро ушла обратно.* Дохён разулся, повесил куртку в шкаф и поморщился: в нос ударил резкий запах сырости от капюшона.

²⁰ Корейский аналог поговорки «Утро вечера мудренее».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.